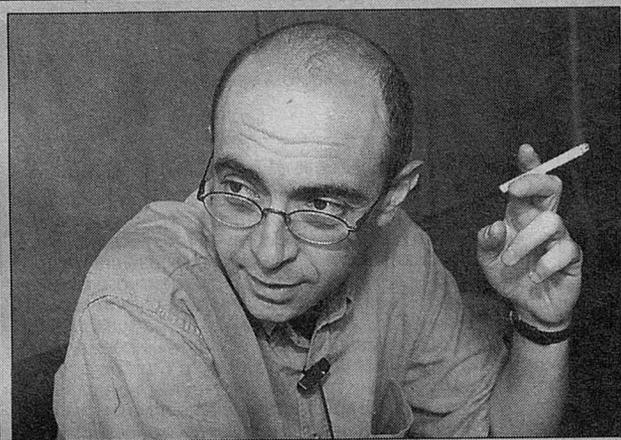

«Друзья Яны» нашли друзей в России

ДАМИТРИЯ ХРИТОВ

Одним из приятных сюрпризов XXI МКФ стал внеконкурсный фильм «Друзья Яны», снятый в Израиле нашим бывшим соотечественником и только что отмеченный «Хрустальными глобусами» в Карловых Варах за лучший фильм и лучшую женскую роль. Эта психологически тонкая трагикомедия рассказывает о жизни нескольких российских эмигрантов на родине их предков. Беседа кинообозревателя «НИ» с Ариком Каплуном происходила в Москве.

— Вы помните, как уезжали из СССР?

— В 1980 году, в день открытия Олимпийских игр. В «Шереметьево-2» было два коридора. По одному, для въезжающих, шли сотни людей, а по другому, для выезжающих, — только я, мама, бабушка и еще двое. Мы получили разрешение вскоре после того, как я сдавал экзамены во ВГИК. Для меня отъезд был довольно неожиданным. Мама всегда хотела уехать к родным, которые эмигрировали в 1919 году, но собралась только после смерти отца. Месяца через три после приезда в Израиль, когда я уже учился иврит в маленьком городке Беэршева («город семи колодцев») в пустыне, пришло письмо от моей знакомой, в котором сообщалось, что я принят во ВГИК. Для меня это было смерти подобно, потому что выехать назад было невозможно, и я в отчаянии ходил по улицам, взывая к небу и думая о том, что никогда не стану тем, кем хочу. Но я все-таки выучился режиссуре в Тель-Авивском университете. И, как видите, круг замкнулся — я в России со своим первым фильмом.

— Вы довольны тем, как его приняли?

— Более чем доволен. Ведь реакция российской публики, в отличие от израильской, которую я знаю, для меня была совершенно непредсказуема. И когда зал Дома кино стал аплодировать во время просмотра и стоя аплодировал после него, а потом ко мне стали подходить люди и выражать свою признательность, это было очень неожиданно и необыкновенно приятно.

— Вы знаете, что «Друзья Яны» уже назвали «рязановско-данелиевским кино»?

— Слышал, но не понял, похвала это или хула. Я ведь не знаю, что сейчас снимают Рязанов и Даниеля, а двадцать лет назад они делали хорошие фильмы. «Иронию судьбы» у нас показывают каждый Новый год, и меня она неизменно трогает.

— Вы сразу взяли на роль Яны свою жену?

— Нет. Сначала Эва работала у меня ассистентом. Когда я вел в Москве переговоры о совместной постановке этого фильма, я думал найти актрису здесь. У меня в голове был образ еврейской девушки типа Вайноны Райдер, но мне сказали, что в России найти похожую актрису в возрасте 20 — 21 года практически невозможно. Вернувшись в Израиль, я нашел на телевизоре записку от жены, в которой она предлагала мне посмотреть кассету с еще одной актрисой. На этой кассете она сама делала пробу. Я посмотрел и понял, что это то самое, что мне нужно. Показал оператору Валентину Белоногову, и он выругал меня за то, что я с самого начала не догадался поискать у себя под носом. Предполагаемым российским партнерам моя жена, правда, не понравилась, они сказали, что это «маргинальная актриса», как, впрочем, и весь израильский «каст». Я не знал, что значит слово «маргинальный», перерыл все словари, и когда нашел, меня это очень рассмешило.

— У нас «маргинальными» называли замечательных актрис с нестандартной внешностью — Хохлову, Самойлову, Чурикову...

— Ну что же, неплохое общество. В конце концов у меня образовался состав из не известных русской аудитории русскоговорящих актеров, и я думаю, что это было правильно. Известный актер нес бы за собой шлейф старых ролей, а эти даже не воспринимаются как актеры.

— В российской аудитории ваша жена в роли Яны не воспринимается даже как еврейка. Кажется, что она русская, которую в Израиль вывез муж и там бросил. Вы планировали этот эффект?

— Откуда же мне было знать, за кого ее примут? Моя жена действительно из России, училась в Ленинграде актерскому мастерству, но по внешности она типичная польская еврейка, светлоглазая и светловолосая. Она уехала в 1991 году, в день начала войны в Персидском заливе, получила в зубы противотанка, а через четыре часа после приезда в их киббуце уже упала первая ракета...

— Это и навело любовную сцену в противобазах, которую все отметили, как лучшую в фильме и еще не виданную в кино?

— Не только это. Дело в том, что через год после войны в Заливе был отмечен демографический взрыв. Люди пережидали бомбежку, делать им было совершенно нечего, и они занимались любовью. Естественно, это засело у меня в голове. К тому же я подумал о том, что с открытыми лицами герои стесняются друг друга, а в противобазах лиц не видно, и они должны чувствовать себя свободнее.

— А зачем вы сделали героя начинающим режиссером? Чтобы ввести в фильм свое альтер эго?

— Можете считать это отрывок моего кинематографического детства. Картина делалась долго, и сейчас я раскаиваюсь в том, что дал ему такую профессию. Нужно было подыскать что-то более человеческое. А если уж оставлять, то идти дальше.

— Финал вашего фильма, где ветеран-инвалид при полном ошеломлении окружающих встает на ноги, напоминает финал столь же замечательной картины Вячеслава Кривошеина «Ребро Адама», где на ноги встает парализованная старуха...

— Я думаю, что этот мотив достаточно традиционен. Калеки, лжнне или действительные, не так уж редко отбрасывают на экране костыли. Может быть, оттого, что зрители ждт чуда, они с удовольствием принимают такую развязку...

— Есть ли в Израиле кинематографическая среда, в которой вы работаете?

— Нет. Естественно, я учился режиссуре не один, но мы не общаемся.

— Говорят, что роль выходцев из России в Израиле сильно возросла...

— Сейчас каждый четвертый житель Израиля — российский эмигрант, но дело даже не в этом, а в том, что теперь эта группа представляет собой политическую силу и начинает определять политику Израиля. И эта сила, которую образуют «новые люди», живущие в Израиле без году неделя, настояряивает коренных жителей...

Хрустальные глобусы 1999 года